

САВАКО АРИЭСИ

роман

ж
е
н
а

л
е
к
а
р
я

с
э
й
с
ю

х
а
н
а
о
к
и

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

Савако Ариёси Жена лекаря Сэйсю Ханаоки

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617395

Савако Ариёси «Жена лекаря Сэйсю Ханаоки»: ЗАО Издательство

Центрполиграф; Москва; 2005

ISBN 5-9524-1931-3

Аннотация

Роман известной японской писательницы Савако Ариёси (1931–1984) основан на реальных событиях: в 1805 году Сэйсю Ханаока (1760–1835) впервые в мире провел операцию под общим наркозом. Открытию обезболивающего снадобья предшествовали десятилетия научных изысканий, в экспериментах участвовали мать и жена лекаря.

У Каэ и Оцуги много общего: обе родились в знатных самурайских семьях, обе вышли замуж за простых деревенских лекарей, обе знают, что такое чувство долга, и готовы посвятить себя служению медицине. Но между невесткой и свекровью возникает отчаянное соперничество – каждая претендует на главную роль в жизни человека, которому предстоит совершить переворот в хирургии и прославить род Ханаока.

Содержание

1	4
2	15
3	20
4	39
5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Савако Ариёси Жена лекаря Сэйсю Ханаоки

1

Каэ было восемь лет, когда она впервые услышала об Оцу-ги и уговорила Тами, свою нянюшку, отвести ее поглядеть на эту женщину. И вот однажды жарким летним деньком они пришли в соседнюю деревушку Хираяма и остановились у переднего двора обветшавшего домика. В густых зарослях бурьяна тут и там радовали глаз сполохи дурмана, его белые цветы чудесным образом перекликались с появившейся вскоре изящной женской фигуркой.

– Смотри, дитя мое, – шепнула няня. – Вот она!

Завороженная красотой Оцуги, девочка ничего не ответила.

Каэ уже приходилось слышать рассказ о том, при каких обстоятельствах Оцуги, дочь Мацумото, пересекла реку, чтобы войти женой в семейство Ханаока из деревни Хираяма уезда Натэ. Здесь, в благоприятном климате провинции Кии,¹ плодородные поля простирались по обоим бере-

¹ Современная японская префектура Вакаяма. (Здесь и далее примеч. ред.)

гам Кинокавы. Сейчас, в мирные времена Токугава,² в этом захолустье редко случались события, действительно достойные внимания. Но если что-то все же происходило, это становилось темой для бескончаемых сплетен и легенд, передаваемых из поколения в поколение.

Прошло всего десять лет со дня появления Оцуги в Хираме в середине эпохи Хорэки,³ все действующие лица этой истории были живы-здоровы и являлись объектом частых пересудов. В округе едва ли нашелся хотя бы один человек, который был бы не в курсе мельчайших подробностей их судьбы.

Синдзиро Мацумото, крупный землевладелец, управлял процветающей красивой мануфактурой. Дочь его с детства слыла умницей, а о красоте ее слагали легенды, до тех пор пока на бедняжку не обрушилась неведомая напасть – какая-то казавшаяся неизлечимой кожная болезнь. Мацумото просил совета у лучших врачей, не жалел ни сил, ни средств, но толку из этого не вышло – многомудрые мужи все до единого лишь руками разводили. Однако вскоре о

² *Токугава* – династия сёгунов, военных правителей Японии, стоявшая у власти с 1603-го по 1867 г. При первом представителе этой династии, Иэясу (1542–1616), разрозненные княжества объединились в централизованное государство, а в 30-х годах XVII в. страна прервала отношения с внешним миром и на протяжении двухсот с лишним лет была изолирована в культурном, политическом и экономическом плане.

³ В Японии до сих пор используется система летосчисления по годам и девизам правлений императоров. Эпоха *Хорэки* началась в октябре 1751 г., закончилась в апреле 1764-го.

несчастье Оцуги узнал некий Наомити Ханаока. Он пересек реку, явился в дом Мацумото и набрался наглости заявить, что готов вылечить их дочь... при условии, что она станет его женой. Пребывавшие в отчаянии Мацумото без колебаний согласились с требованием безвестного деревенского лекаря. Вот так Оцуги и оказалась в семье Ханаока.

После волшебного исцеления Наомити вполне мог бы заслужить громкую славу чудотворца – тогда от болящих у него отбоя бы не было. И все же этого не произошло, отчасти из-за его чрезмерной болтливости, по причине которой селяне лекаря недолюбливали, отчасти оттого, что прекрасная женушка затмила его своей поистине неземной красотой. Все разговоры по поводу четы Ханаока заканчивались одинаково:

– Вы должны увидеть Оцуги! Она невероятно хороша!

Слушатель, которого любопытство непременно гнало в Хираяму, обычно бывал немало удивлен, обнаружив, что красота Оцуги действительно превосходит самые смелые фантазии. Так случилось и с Каэ.

В то время Оцуги было около тридцати, а стало быть, ее лучшие дни остались позади. Но по мнению восьмилетней девочки, она не выглядела на свои годы. Несмотря на невыносимую жару, на красавице было безукоризненно свежее кимоно в тонкую полоску с туго повязанным поясом-оби. Кожа тоже потрясала воображение – молочно-белая, словно цветок дурмана; не подвели и блестящие волосы, собранные

в безупречную высокую прическу марумагэ.⁴ Это удивительное зрелище глубоко врезалось в память впечатлительного ребенка – выбритые, как у невесты, брови и поразительный контраст иссиня-черных волос и чрезвычайно бледного лица.

В тот же день задыхающаяся от восторга Каэ, не в силах сдержаться и будучи абсолютно уверенной в том, что не совершила ничего предосудительного, без утайки поведала о своем посещении Хираямы матери. Та, в свою очередь, одобрительно покивала и добавила от себя следующее:

– Оцуги не только несказанно красива, она к тому же умна и мудра. Я не настолько хорошо с ней знакома, чтобы лично судить о ее достоинствах, но те, кто ее знают, весьма уважительно о ней отзываются.

С того знаменательного дня Каэ начала благоговеть, не сказать – преклоняться перед женщиной, которую все вокруг считали идеалом. Будь Каэ постарше, она, вполне возможно, испытала бы совершенно иные чувства – к примеру, стала бы завидовать или в ней проснулся бы дух соперничества, поскольку саму ее природа наделила довольно скромными внешними данными. Но в нежном восьмилетнем возрасте ничто не затуманило вполне естественного для ребенка преклонения перед красотой.

Несмотря на то что Хираяма располагалась неподалеку от

⁴ *Марумагэ* – овальный узел волос, который в Японии носили только замужние женщины.

владений отца Каэ, Садзихэя Имосэ из Итибамуры, девочка редко сталкивалась с Оцуги. Прославленный клан Имосэ возглавлял местную управу, отвечал за самураев и, что куда важнее, принимал у себя самого даймё⁵ провинции Кии,⁶ когда тот проезжал через Натэ на пути к священной обители Исэ. А потому Каэ как представительнице высокопоставленного семейства не позволялось бегать по полям и лугам – такое разве что простой крестьянской девочке пристало. И все же Имосэ были людьми не заносчивыми. Мать Каэ, женщина чрезвычайно практичная, позаботилась обучить дочку таким полезным вещам, как шитье и стряпня, а не тем утонченным искусствам, которые приличествовали девочкам ее положения. Опыт жизни в семье мужа подсказывал госпоже Имосэ, что первое гораздо важнее второго. В дополнение к домашним премудростям Каэ постигла основы этикета, чтение и письмо, а также японские обычаи и традиции, являвшиеся частью семейного наследия. В четырнадцать она уже могла приготовить несколько сложных блюд, которые нередко сама выставляла на черный, украшенный фамильным гербом лакированный столик перед даймё Кии. Родители очень гордились своей девочкой.

Поскольку положение Имосэ не позволяло Каэ видаться с

⁵ *Даймё* – владетельный князь.

⁶ Землями Кии владел один из госанкэ, «трех знатных домов», рода Токугава; выходцы из дома Кии имели право занять пост сёгуна, если тот умирал, не оставив наследника, так что даймё этого княжества занимал очень высокое положение в обществе.

Ханаокой в общественных местах, она находила предлог зайти в покои деда всякий раз, когда лекаря призывали к нему. Сама она росла девочкой здоровой, для нее подхватить простуду – и то было большой редкостью, так что случай взглянуть на мужа Оцуги выпадал ей, только когда недуг одолевал кого-то из домашних.

Дед давно уже сложил с себя обязанности главы семейства, передав их своему сыну Садзихэю. Теперь старому и немощному инкё⁷ все чаще и чаще требовалась медицинская помощь. В Итибамуре было несколько хороших врачей, которые вполне могли бы о нем позаботиться, более того – Наомити в основном специализировался на ранах и переломах, но все же старик остановил свой выбор именно на нем. Не секрет, что у деда было много свободного времени, поэтому он с удовольствием выслушивал увлекательные истории лекаря. Остальные Имосэ обращались к местным целителям.

Поскольку Каэ никогда не интересовалась врачеванием до того, как Тами поведала ей историю Оцуги, она и понятия не имела, насколько часто Наомити бывает в их доме. Но, повидав красавицу, девочка загорелась желанием поглядеть на ее мужа. Теперь она никак не могла дождаться, когда же дед снова сляжет и пошлет за врачом.

Прошло лето. Всякий раз, навещая деда, Каэ находила его в полном здравии. Временами она наблюдала за тем, как без-

⁷ *Инкё* – обозначение главы семьи после его официального отречения от своих прав и ухода на покой.

зубый старик с чавканьем и отменным аппетитом уплетает очередного карпа, и разочарованно вздыхала, не замечая никаких признаков болезни.

Но вот настала зима. По утрам дед притворялся больным, чтобы не вылезать в такой холод из постели. Мало-помалу вялый образ жизни ослабил его, и он действительно подхватил какую-то заразу. И в доме наконец-то появился Наомити Ханаока со своей сумой, набитой лекарственными травами.

Однако истомившегося от любопытства ребенка ждал неприятный сюрприз.

«Неужели это и есть муж Оцуги?!» – поразилась Каэ. По сравнению со своей женой Наомити казался настоящим уродцем. Припоминая аккуратную округлую прическу Оцуги, Каэ с отвращением взираала на этого неопрятного чело-века с безобразными чертами лица, не в меру красного от постоянных возлияний, на его толстые губы и кривые зубы. Волосы его, похоже, не ведали, что такое гребень, а черное кимоно выглядело настолько грязным и потрепанным, будто он в нем спал.

Мысль о том, что этот непривлекательный мужчина женат на настоящей красавице, привела девочку в неопи-сываемый ужас. Она пребывала в полном недоумении, снова и снова вспоминала прекрасную Оцуги в безупречном полосатом кимоно и не переставала удивляться, как она вообще могла выйти за такое чучело. Представить их вместе было выше ее сил.

Наомити приступил к осмотру больного, и громоподобный голос эхом загудел в смежных покоях. Лекарь по большей части рассуждал о событиях мирового масштаба, оставляя в стороне местные сплетни, а старику инкё подобные беседы всегда были по душе. Дед и сам мог хоть до полуночи рассуждать на такие грандиозные темы, как сёгунат Токугава. Но окружающие давно выучили его байки наизусть, тогда как Наомити постоянно рассказывал что-нибудь новенькое, потому старику и нравились его разглагольствования – было чему поучиться. Более того, лекарь обладал даром описывать события пятилетней давности так, словно они произошли только вчера, – не стоит забывать, что в те времена новости доходили до Кии с большим опозданием, ведь до шумного беспокойного города Эдо⁸ было очень далеко. Впрочем, и приврать Наомити был не дурак. В любом случае, старик слушал внимательно и притом ему хватало ума, чтобы пропускать мимо ушей самые неправдоподобные заявления.

– Уверяю вас, – распинался Наомити, – западная медицина очень скоро придет в нашу страну. Это предсказывал еще учитель Бангэн Иванага во времена моего студенчества в Осаке. Думаю, он был прав. Поскольку я изучал у него западную методику,⁹ могу с полной уверенностью рассуждать

⁸ Эдо – название города Токио до 1867 г. (Примеч. пер.)

⁹ Во времена Токугава для иноземных судов был открыт только один порт Нагасаки, поддерживались эпизодические торговые контакты с Голландией, но голландский язык было дозволено изучать лишь правительственным переводчикам, а потому знания о западной науке и, в частности, о методике врачевания япон-

на тему будущего японской медицины, как если бы держал руку на ее пульсе. Доктор Тоё Ямаваки из Эдо уже предложил вскрывать тела умерших заключенных. Нынешний учитель, Гэмпаку Сугита,¹⁰ славит голландский метод, основанный на следующем: прежде чем поставить диагноз, надлежит провести полное обследование тела больного, а это в корне отличается от традиционного японского подхода, каковой по большей части основывается на измерении пульса. Ах, человеческое тело – настоящее чудо! Взять хотя бы кончики наших пальцев. Просто невероятное сплетение нервных окончаний и сосудов!

– Угу, угу, – замороженно соглашался с ним дед.

– Как я уже говорил, теперь, когда наше правительство признало всю важность западного опыта, оно предпринимает определенные шаги, дабы помочь японским врачевателям внедрить его в жизнь. Кстати, вы знаете, сколько лет прошло с тех пор, как знаменитые лекари Холл и Ван Танно прибыли в нашу страну из Голландии?

Наомити все болтал и болтал, окончательно позабыв о пульсе деда.

– Доктор Холл приехал в 10-м году Хорэки,¹¹ в тот самый день, когда родился мой сын Умпэй. Стоило мне узнать о по-

цы собирали по крупицам, получали из третьих рук, что не давало возможности составить общую картину.

¹⁰ *Сугита Гэмпаку* (1733–1817) – известный японский врач, приверженец западного учения в медицине, автор трактата по анатомии.

¹¹ 1760 г.

добном совпадении, я тут же понял – это не может быть случайностью. Я очень хорошо помню тот день. Это произошло двадцать третьего октября, в самый разгар осени. Яркое чистое небо внезапно затянулось зловещими облаками. Послышались раскаты грома, синеву прочертили ослепительные зигзаги молний. И на свет появился Умпэй. Я сам принимал роды! Когда грохот стих, птицы вновь взмыли в засиявшую первозданной свежестью высь. Я возопил: «Великий муж родился!» Столь внезапная перемена погоды наверняка поразила доктора Холла. Что и говорить, не успел он ступить на берег, как небо разразилось громом и молнией. словно сама природа приветствовала его. Так что, милые мои, день-то, вне всякого сомнения, эпохальный. В честь этого необыкновенного события я и назвал своего сына Син, то бишь Гром. Умпэй – это его прозвище, оно означает «мирное облако». Отличные имена, вам так не кажется? Я уверен, что моему сыну суждено двигать науку вперед.

Все беседы этого словоохотливого лекаря непременно заканчивались похвалой сыну.

Каэ взвесила все окружавшие Наомити Ханаоку несообразности. Прежде всего она никак не могла соотнести этого суетливого, дурно воспитанного человека с его сыном, которого он так часто описывал. Далее шла его жена. У Оцуги и Наомити разница в возрасте составляла четырнадцать лет. Но женщина выглядела моложе, чем была на самом деле, тогда как мужчина – старше, отчего разница эта казалась еще

больше. Сколько Каэ ни старалась, она так и не смогла представить лекаря мужем Оцуги.

Во время визитов к деду Наомити болтал на самые разнообразные темы, которые чудесным образом всегда приводили его к одному финалу – он начинал похвальнось своим сыном, возносил до небес совершенно обычные поступки мальчишки и неизменно сообщал слушателям, какие великие надежды на него возлагает. Тем самым не в меру гордый отец отбил у Каэ всякий интерес к Умпэю. И все же, несмотря на многочисленные недостатки Наомити, девочка всегда приходила к деду, когда тот призывал его к себе.

Надо отметить, что Наомити почти никогда не говорил о своей жене. Может, знал, что все вокруг в курсе прошлого Оцуги, однако, скорее всего, он просто следовал обычаю, согласно которому мужчины не обсуждали своих жен на людях, – вероятно, не желал становиться исключением из этого правила. Каэ снова и снова пыталась проникнуться к нему симпатией, но все попытки заканчивались провалом, поскольку внешний вид и поведение чудаковатого лекаря раз за разом разочаровывали ее.

В преклонном возрасте дед провел много приятных часов в обществе Наомити Ханаоки. И хотя здоровье старика было достаточно крепким, в один прекрасный день, когда Каэ исполнилось восемнадцать, его хватил удар – причем безо всяких видимых причин и жалоб на недомогание, – и он тихо умер в своей постели. Имосэ предпочли позвать семейного врача, а не Наомити, но, когда врач прибыл, дед уже отошел в мир иной. К тому времени минуло более десяти лет с тех пор, как Садзихэй принял на себя обязанности главы семьи, поэтому внезапная смерть инкё не доставила Имосэ никаких серьезных неудобств, а селяне еще долго обсуждали, как спокойно и безмятежно он покинул этот мир.

Поскольку в прошлом дед являлся чиновником довольно высокого ранга, для него устроили пышные похороны. На первое поминовение счел своим долгом явиться каждый житель Натэ, чтобы отдать ему дань уважения. У дома Имосэ выстроилась длинная очередь желающих воскурить благовоения по покойному. Членам семьи надлежало принимать всех этих скорбящих, и у них не осталось времени предаваться собственному горю. По правде говоря, в доме скопилось столько родственников и близких друзей, что атмосферу можно было назвать мрачной только с большой натяжкой. Восемнадцатилетняя Каэ, само собой разумеется, осознава-

ла всю важность происходящего. Но она, как и все остальные Имосэ, была слишком занята текущими делами на всем протяжении тюина,¹² чтобы убиваться по усопшему; к тому же дед умер внезапно и без страданий, что тоже сыграло свою роль. Прошло немало времени, прежде чем внучка начала по нему скучать.

Поскольку Каэ предстояло появляться на людях, родители позаботились о том, чтобы сделать ей приличную прическу и обрядить в соответствующее случаю черное шелковое кимоно. Девушке полагалось везде следовать за матерью и приветствовать гостей и односельчан. Именно тогда она и увидела Оцуги во второй раз. Наомити приходил на поминовение днем раньше и пропьянствовал в доме Имосэ всю ночь. Оцуги с красными четками в руках и в подобающем кимоно из шелка ручной работы стояла среди скорбящих. Каэ она показалась воплощением святости, словно это была сама босацу Каннон¹³ с лазурным сиянием над головой. Гости полностью завладела вниманием девушки, которая попросту не могла отвести от нее взгляда.

Остальные тоже смотрели на Оцуги во все глаза, поскольку

¹² *Тюин* – в японской буддийской традиции 49-дневный траур; поминальный обряд проводится каждую неделю.

¹³ *Босацу* (бодхисаттва) *Каннон* – японский, женский, вариант бодхисаттвы Авалокитешвары, которому посвящена 25-я глава буддийской «Лотосовой сутры». Среди будд, бодхисаттв и синтоистских божеств японского пантеона Каннон занимает одно из самых почетных мест, и ей поклоняются как богине милосердия.

ку та редко появлялась на общественных мероприятиях. В тот день присутствие этой красавицы напомнило всем о ее прошлом, и людей в который раз поразило то, как молодо она выглядит, хотя выносила и родила семерых детей. Обычно женщины, преодолевшие сорокалетний рубеж, окончательно теряли привлекательность – многочисленные роды и долгие годы изнурительного труда делали свое дело. Но Оцуги казалась по меньшей мере лет на десять моложе своего возраста и была необычайно элегантна и грациозна в своем траурном наряде. Похоже, не одна Каэ увидела у нее над головой ореол.

Замечала ли Оцуги все эти взгляды? Без сомнения, внимание и восхищение собравшихся, которые таким образом отдавали дань ее молодости и красоте, льстили жене деревенского лекаря. И хотя голова ее скромно склонилась, спина оставалась прямой – Оцуги наверняка кожей ощущала каждый восторженный взгляд. Однако наивной Каэ и на ум не пришло заподозрить ее в лицемерии. Девушка стояла словно замороженная и пожирала глазами женщину, которая, казалось, в тот день была еще прекраснее, чем образ, запечатлевшийся десять лет назад в детской душе.

Простых селян в особняк не пускали. Они молились перед установленным в тени сада алтарем, в то время как гроб находился в доме. Наомити, как любимого друга покойного, позвали в дом без жены, что в данном случае считалось вполне естественным. Кроме того, даже если бы Оцуги и мож-

но было пригласить во внутренние покои, Каэ попросту не смогла бы этого сделать. Девушка так и стояла в саду, не в силах сдвинуться с места, когда Оцуги прошла мимо нее.

По всей видимости, кимоно Оцуги являлось частью ее приданого, а потому сильно выделялось на фоне более скромных нарядов самурайских жен и других селян. Пошитое из жесткого шелка ручной работы, оно вполне соответствовало ее положению. В свете того, что по сравнению с Мацумото Ханаока занимали более низкую ступень на социальной лестнице, родители Оцуги не снабдили ее официальным кимоно мягкого блестящего шелка, мудро рассудив, что у нее не будет случая надеть его. И все же это был богатый наряд, элегантно приспущенный сзади на шее, с аккуратно уложенным воротником и плотно прилегающим парчовым поясом-оби. Оцуги подошла к алтарю, низко поклонилась, явив взору бледно-зеленую ленту вокруг пучка волос, и взяла ладан. Глядя на то, как тонкие пальцы изящно растирают шарики, Каэ невольно подумала, что красивые люди красивы от рождения – с головы до кончиков пальцев рук и ног. Ей также пришло в голову, что гордая повадка Оцуги – проявление ее необыкновенных умственных способностей. Жена лекаря поклонилась в сторону дедовых покоев, где находился гроб с телом, и молча кивнула каждому из Имосэ. Каэ стояла в стороне от своих родных и не думала, что ее заметят. Но когда затуманенное состраданием лицо красавицы обратилось в ее сторону, у Каэ возникло такое ощущение, будто

ей в лоб уперлось острие меча. Не подозревая об обуревающих девушку чувствах, Оцуги поклонилась ей и двинулась к воротам. И исчезла из вида, при этом центральный шов ее кимоно не сбился ни на рин.¹⁴

¹⁴ *Рин* – японская мера длины, равная 0,3 мм.

Поздней весной, через три года после похорон инкё, Оцу-ги снова появилась у Имосэ. Садзихэй велел привести ее в свой кабинет, который специально устроили в отдалении от остальных покоев, с тем чтобы хозяин имел возможность безмятежно нести бремя общественных забот. А поскольку эта территория считалась запретной для женщин и детей, Каэ не могла расспросить служанок о цели визита Оцу-ги. Она пожалела, что Тами в этот момент не оказалось дома – та наверняка дала бы какой-нибудь дельный совет, но няня ушла купить для Каэ ниток и пока еще не вернулась. Каэ, конечно, было любопытно, что происходит на половине отца, но не так чтобы слишком, и она со спокойной душой взялась за вышивание. Ей даже в голову не могло прийти, что разговор между Оцу-ги и отцом касается ее напрямую. И все же девушка решила, что надо будет каким-то образом выудить у батюшки информацию об этой встрече.

Поначалу Садзихэй Имосэ терялся в догадках, зачем Оцу-ги могла пожаловать к нему. И как только смелости набралась! Но он не был занят ничем важным, а потому пригласил ее войти и без отлагательств завел сердечную беседу. Даже три года спустя воспоминания об отце отдавались в его душе легкой грустью, и ему не хотелось обижать тех, кто был близок со стариком, пусть сам он, Садзихэй, и не пользовался

услугами лекаря Наомити Ханаоки.

– Как поживает милейший Ханаока? – вежливо осведомился глава дома Имосэ.

– Мой муж очень скучает по вашему отцу, господин, даже постарел после его смерти. Сегодня я здесь от его имени и по его поручению.

– Очень любезно с вашей стороны. А теперь поведайте мне, чем я могу вам служить?

– Я пришла просить у вас руки вашей дочери Каэ для своего сына Сипа.

Садзихэй дара речи лишился. Не может быть, она наверняка пошутила! Имосэ, получающие огромный годовой доход – более ста двадцати коку¹⁵ риса – в качестве блюстителей закона, судей и сборщиков налогов, вполне могли породниться с прославленным родом, владеющим замком в долине Танисиро, что в Нюдани, и даже с кланом Имбэ. Усадьба Имосэ, включающая в себя покои для самого даймё, в которых он с удовольствием останавливался во время своих путешествий, заметно выделялась среди других на довольно внушительной территории от Годзё до устья Кинокавы. Как этой женщине вообще могло прийти в голову, что он, Садзихэй Имосэ из столь выдающегося рода, соблаговолит заключить брачное соглашение с семьей какого-то там нищего лекаря?!

Изобразив на лице смущенную улыбку, призванную пока-

¹⁵ *Коку* – японская мера объема, равная приблизительно 180 л. В коку исчислялось жалованье самураев и чиновников; один коку риса составлял около 150 кг.

зять всю невозможность подобного союза, Садзихэй уклончиво произнес:

– Ваша просьба довольно неожиданна...

Но прекрасно владеющая собой Оцуги уверенно объяснила, почему Ханаока хотят именно Каэ. И Садзихэй, сам того не желая, не смог не прислушаться к ее словам, когда она принялась описывать, какими качествами должна обладать жена лекаря.

– Первое требование – хорошее здоровье. Остальные составляющие – смелость, сила воли и понимание самой природы врачевательства, хотя при этом женщина не обязана знать даже того, как измеряется пульс. Вы ведь сами понимаете, господин, что лекарь должен быть доступен круглые сутки. В конце концов, хворь не упреждает заранее, в какой час ее ждать. Если случится так, что лекаря призвали к одному больному, а на прием тем временем явился другой, же не придется заменить мужа. К примеру, когда приносят тяжелобольного или раненого, она должна быть в состоянии оказать ему первую помощь. Уверенную в себе женщину не напугает вид крови или признаки серьезного недуга. Вместо того чтобы падать в обморок, она промочит рану и сделает все, что потребно.

Оцуги замолчала на секунду, чтобы набрать в легкие воздуха.

– Теперь давайте возьмем дочь крестьянина. Сможет ли девица, которая проводит так много времени за монотонным

трудом в поле, справиться с обязанностями жены лекаря? Не буду отрицать, что иногда после вступления в брак женщинам удается приспособиться к новому окружению. Но коли девица только и способна, что полоть и сеять, ждать от нее толку, как мне кажется, — дело безнадежное. Дочь торговца тоже не подходит. Никто из родных и домочадцев лекаря не должен помышлять о прибыли. Что станется с теми несчастными, которые не в состоянии заплатить за исцеление? Болезни, знаете ли, одинаково поражают и бедных, и богатых. Уверена, что вы согласитесь со мной: если женщина слишком много думает о шелках да о деньгах, она неизбежно бросит тень на своего бескорыстного мужа.

Цель этой речи была очевидна, но Садзихэй сидел и слушал, точно околдованный.

— Что до дочери владельца мастерской, вы только посмотрите на ее воспитание! Она привыкла, что людьми помыкают, словно скотом, а потому наверняка будет относиться к ученикам и помощникам лекаря как к своим подчиненным, это у нее в крови. Или попытается пустить в ход лесть... Ну, сами понимаете. Дочь крестьянина, торговца или владельца мастерской никак не годится на роль жены лекаря.

Столь дерзкие, оскорбительные речи могли бы вывести из себя даже человека мягкого и спокойного. Если бы Наомити сам явился сюда с подобными идеями, ему бы давно заткнули рот и выставили вон, в этом можно нисколько не сомневаться. Но откровенность Оцуги заворожила Садзихэя. Она

же, словно прочла его мысли, поспешила добавить:

– Я говорю вам все это, потому как прекрасно понимаю, что и сама не слишком гожусь на эту роль. Я ведь выросла среди крестьян, торговцев и мастеровых. Мой муж изучил лучшие достижения красноволосых варваров,¹⁶ и все же он не слишком многого добился в жизни. Боюсь, причина кроется в том, что я не смогла стать ему хорошей женой. Но я старалась и стараюсь. Однако одного старания мало. Прошлой весной Умпэй отправился в Киото изучать медицину. Через три года он вернется обратно. Как мать я должна найти ему подходящую жену, такую, которая будет поддерживать его и при которой талант его расцветет и полностью раскроется. Я обязана сделать для семьи Ханаока хотя бы это, поскольку сама их надежд не оправдала.

Она снова не стала дожидаться ответа Садзихэя.

– Конечно же моя скромная семья не идет ни в какое сравнение с прославленным родом Имосэ, и я прекрасно понимаю, что вы можете счесть мое предложение смешным, хуже того – заподозрить меня в непочтительности. Но я умоляю вас, спросите у Каэ, чего она желает на самом деле: спокойного защищенного существования в семействе с раз и навсегда установленными порядками, или же ей хочется воплотить в жизнь какие-то собственные мечты. Вдруг ее прельстит возможность превратить хижину в замок? Я знаю, что она получила традиционное воспитание и что здоровье у нее

¹⁶ Так в Японии эпохи Токугава называли всех европейцев.

отменное, потому у меня нет сомнений – только она способна стать хорошей женой для моего сына.

Добродушный и терпеливый Садзихэй был не из тех, кто открыто изливает свой гнев на женщин и детей. Он не стал прерывать эту бесцеремонную даму и дал ей закончить – не столько из чувства долга перед Ханаокой, сколько в качестве акта доброй воли, ведь он, Садзихэй, как-никак был местным старейшиной.

В конце концов и он получил возможность высказаться:
– Я должен это обдумать. Что ни говори, вы застали меня врасплох.

Глава дома Имосэ с улыбкой поклонился гостю, хотя на самом деле даже не собирался «обдумывать» ее предложение. Более того, он намеревался тут же передать Ханаоке отказ через одного из своих слуг.

За ужином Садзихэй, рассказав жене о визите Оцуги, еще раз подчеркнул неравенство предполагаемого брака, воспользовавшись излюбленным сравнением храмового медного колокола с бумажным фонариком. Он и поднял-то этот вопрос только с тем, чтобы скрасить занятной историей час застолья, и не более того; ему даже в голову не пришло всерьез советоваться с супругой по поводу столь нелепого предложения. Садзихэй шутя заметил, что Наоми-и Ханаока, должно быть, заразил свою половину чрезмерной болтливостью и теперь симптомы у больной проявляются куда сильнее, чем у самого носителя хвори. Похоже, Оцуги малость не в себе,

вынес он вердикт, слишком уж размечталась о будущем своего сына. Жена воздержалась от комментариев, и Садзихэй счел тему закрытой.

В тот самый вечер Каэ тоже узнала о желаниях Оцуги. Так получилось, что служанка, которая подавала ужин, нашептала об этом Тами, а та в свою очередь поставила в известность Каэ. Девушка была вне себя от радости, никогда в жизни она не переживала ничего подобного. И тут же принялась гадать, когда же Оцуги впервые подумала о ней как о невестке и чем таким она, Каэ, добилась ее расположения. Но Тами охладила пыл своей воспитанницы, сообщив, что Садзихэя совершенно не впечатлило предложение Ханаоки. Кровь отлила от лица Каэ, и она всю ночь не смыкала глаз.

Представьте себе безмерное удивление Садзихэя, когда наутро его жена снова подняла этот вопрос. Для начала она согласилась с тем, что у Наомити довольно большая семья, что они с трудом размещаются в его крохотном домишке и что Ханаока действительно бедны, поскольку у лекаря всего один ученик, помогающий ему в работе, и всего одна служанка, хлопочущая по хозяйству. Но затем она обратила внимание мужа на одно весьма примечательное обстоятельство: несмотря на то что Ханаока переехали в провинцию Кии несколько поколений тому назад, по-настоящему их приняли, лишь когда Наомити женился на Оцуги. В результате им удалось расширить свои общественные связи, причем, скорее всего, не без помощи Мацумото. Что и говорить, Наоми-

ти стал вхож в дом Имосэ тоже только после своей свадьбы.

Разговор набирал обороты и становился все жарче.

– Люди часто говорят о мудрости Оцуги, – продолжила жена. – Не правильно ли будет предположить, что все недавние успехи Ханаоки – ее заслуга? Кроме того, – она тщательно подбирала каждое слово, – ни одного выгодного предложения нам давно не поступало. Ну разве я не права? Возможно, Оцуги действительно вела себя дерзко и бесцеремонно, но факт остается фактом – как женщина наша дочь будет очень довольна тем, что Ханаока искренне хотят принять ее.

Неожиданное заявление жены заставило Садзихэя всерьез поразмыслить над сложившейся ситуацией, и в голову ему пришло несколько идей. Прежде всего, он был вынужден посмотреть правде в глаза и сказать самому себе, что выдать замуж единственную дочь будет не так-то просто. Лучшие годы Каэ уже остались позади, а он отклонил другие предложения, хотя, положив руку на сердце, приличных среди них не было. Еще труднее оказалось признаться себе в том, что положение у Каэ, как у дочери семейства, принимающего даймё Кии, довольно двусмысленное и что оно грозит повлиять на ее будущее. Возможно, именно этот факт заставил его жену прислушаться к предложению Ханаока. До недавнего времени Садзихэй не желал думать о том, какой тайный смысл вкладывает общественность в понятие «дочь принимающей стороны». Люди конечно же понимали, что Каэ происходит из добропорядочной семьи, оказывающей радушный прием

даймё. Но никто не мог сказать наверняка, не проводила ли она с даймё ночи. Не то чтобы в эпоху Токугава такие вещи считались постыдными, вовсе нет. Естественно, если самый выдающийся и влиятельный человек провинции Кии, который к тому же находится в родственных связях с самим сегуном Токугава, правителем Японии, по случаю уделит за обедом внимание дочери хозяев, будет большой честью ублажить его после трапезы. Однако предположим, что он не обращался к Каэ с просьбой развлечь его. Не потому ли, что она слишком проста для него? В таком случае как она может гордиться своей невинностью? Садзихэй понимал, что, несмотря на свое колоссальное влияние, он не мог препятствовать распространению всевозможных слухов вокруг его дочери. А если даймё и захотел бы «оказать ей честь», она в любом случае становилась всего лишь развлечением на одну ночь, даже не любовницей. Между тем в возрасте двадцати одного года Каэ по-прежнему жила с родителями, и никаких серьезных предложений не ожидалось.

Скрестив руки на груди и погрузившись в свои мысли, Садзихэй Имосэ никак не мог прийти к определенному решению. Не то чтобы он разделял взгляды Оцуги, но он действительно был согласен с тем, что лекарь занимает в обществе совершенно особое положение, поскольку не относится ни к одному из четырех сословий, а именно – самураям, крестьянам, ремесленникам и торговцам. Пренебрегать врачами нельзя и по той причине, что они хорошо обра-

зованы и самоотверженно служат людям. Более того, большинство лекарей являются вторыми или третьими сыновьями преуспевающих кланов, которые обычно зарабатывают на жизнь сбором оброка с крестьян-арендаторов, и медицина для них – занятие побочное, скорее способ самовыражения и достижения внутреннего удовлетворения. Насколько он помнил, Наомити частенько хвастался тем, что линию их рода можно проследить до эпохи Камакура и восходит она к прославленному Кусуноки.¹⁷ Но Ханаока из Натэ поначалу являлись простыми крестьянами, которые не имели никакого отношения к медицине и только гораздо позднее начали понемногу практиковать врачевание, совмещая его с другими делами. Отец Наомити первым превратил лекарское ремесло в свое постоянное и единственное занятие. И все же, по сравнению с Имосэ, эта семья занимала слишком низкое положение, чтобы взять к себе дочь самурая, принимающего у себя самого даймё Кии.

В итоге Садзихэй обратился к жене:

– Насчет Оцуги ты, скорее всего, права, но вот Наомити – тот еще негодяй. Я помню, как он выторговал себе у Мацумото невесту, воспользовавшись страшной болезнью их младшей дочери. Могу поклясться, это он вынудил Оцуги прий-

¹⁷ *Кусуноки Масасигэ* (1294–1336) – знаменитый японский полководец, преданный сторонник императора Годайго (1288–1339), который в 1-й четверти XIV века возглавил антисёгунский заговор и вступил в войну с правящим военным домом Ходзё. Кусуноки погиб в битве при Минатогаве, прикрывая отступление потерпевшего поражение императора.

ти сюда. Может, у Ханаока такая традиция – брать жен из процветающих семейств. Я не могу пойти на это!

Ему потребовалось приложить немало усилий, чтобы заставить себя высказать все эти сомнения и тем самым выдать свои чувства, что негоже самураю. Но жена и не думала отступать, да так решительно выражала свои чаяния, что становилось понятно – она тоже долго размышляла над судьбой дочери.

– Почему бы не попросить Ханаока принять Каэ без приданого? Говорят, Оцуги ничего с собой не принесла. Может, Мацумото и позаботились о ее одежде, но не более того. Вы только посмотрите на дом лекаря. Это же настоящая развалина!

Не успел Садзихэй и рта раскрыть, как в разговор вмешалась Тами:

– Простите меня за дерзость, господин, но я должна вам кое-что сказать. Вчера вечером я спросила мою молодую хозяйку, что ее гложет, поскольку вид у нее был ох какой расстроенный. Она ничего мне не ответила. Но по-моему, ей очень хочется вступить в семью Ханаока.

Удивленные родители осведомились у Тами, откуда Каэ узнала про это предложение, и служанка без тени стеснения заявила:

– И у стен есть уши.

– Каэ знает Умпэя? – еще больше разволновался Садзихэй. Если его дочь влюбилась, он ни за что не станет потвор-

ствовать подобной неразборчивости!

– Нет, она никогда не видела этого человека, – покачала головой Тами. – Моя хозяйка влюблена в прекрасную даму, которая приходила к вам вчера. А теперь она сидит и льет слезы, только и думает о том, как бы стать ее невесткой. Бедняжка всю ночь глаз не сомкнула.

– Откуда Каэ знает Оцуги?

– Каждая женщина в округе знает Оцуги и восхищается ею. Ни для кого не секрет, что, хотя Оцуги и выросла в богатой семье, она никогда не жаловалась на нынешнюю бедность. Только благодаря ей Ханаока так любят и ценят в этих краях. Моя молодая госпожа вся дрожит от мысли, что Оцуги выбрала ее в жены своему сыну, бедняжка боится, что никогда уже не обретет своего счастья, если не выйдет за Умпэя.

И хотя Тами немного преувеличивала, она определенно сумела уловить настроение Каэ.

Рассказ служанки озадачил Садзихэя, его даже затрясло от волнения. И все-таки отцовский инстинкт никак не давал ему расстаться с дочерью. Вскоре он начал злиться на жену, подозревая ее в тайном сговоре с дочерью и служанкой.

– С чего ты взяла, что Оцуги настолько хороша? – сухо спросил он супругу. – Можешь ли ты представить себе, чтобы какая-нибудь другая женщина осмелилась высказать мне столь смелые идеи?

– Скорее всего, она надеялась избежать недоразумений,

которые могут возникнуть из-за разницы в нашем общественном положении, поэтому и решилась побеседовать с вами напрямую. Разве вы не сказали, что она сама на это намекала?

– Оцуги говорила так, будто врачевание – самое важное ремесло в мире. И это недобрый знак для такой здоровой семьи, как наша.

– О, когда людям нездоровится, они возлагают надежды только на врачей и сразу признают, что врачевание – действительно важное ремесло. Но стоит им поправиться, и они начинают возносить хвалу богам и бодхисаттвам, а не исцелившим их снадобьям. Не говоря уже о том, как легко они забывают тех, кто поставил их на ноги!

Со времени смерти старика инкё все Имосэ пребывали в добром здравии, так что это было не самое удачное время напоминать Садзихэю о врачах. А потому он, вполне естественно, счел высказывания Оцуги о значительной роли врачей в жизни общества сильно преувеличенными. Однако его жена продолжала настаивать на том, что медицина приносит много пользы, что в критических ситуациях без нее не обойтись и так далее.

Спор затянулся, и Садзихэй чувствовал себя все более и более неудобно. По тяжким вздохам, которые время от времени вырывались из груди его жены, он догадался, что она, должно быть, снова думает о трудностях, выпавших на ее долю в доме Имосэ. Долгие годы она прислуживала его род-

ственникам, надутым гордецам, которые носились со своими традициями и положением как курица с яйцом. Она уважала старинные обычаи Имосэ и во всех ситуациях старалась вести себя хладнокровно, но давалось это нелегко, поскольку ей постоянно надо было придерживаться чужих строгих правил. Когда она только-только переступила порог этого дома невестой, ей даже дышать было трудно в покоях, наполненных мрачными призраками прошлого. Однако в определенном смысле она жила так, как Оцуги описывала будущую жизнь Каэ, – вела размеренное защищенное существование в семействе с его раз и навсегда установленными порядками.

Госпожа Имосэ, которая сейчас от всей души желала родной дочери обрести как можно больше свободы и стать счастливой, даже не подозревала, что уже долгое время сама подавляет свою невестку. И хотя она плохо знала семью Ханаока, судя по характеру Наомити и тому впечатлению, которое сложилось у нее от его маленького домика, у Каэ имелись все шансы по крайней мере не задохнуться там. Похоже, никто не будет слишком сильно на нее давить. И вот, исходя из своего опыта и помня о том, что на карту поставлено благополучие дочери, госпожа Имосэ пришла к выводу, что ни в коем случае не должна отступать, поэтому с новыми силами принялась убеждать мужа в своей правоте.

– Что же касается предполагаемого жениха, он – гордость и радость лекаря Ханаоки. О нем часто говорят, и многие полагают, что из него получится отличный врач. У его отца

немало весьма сомнительных качеств, но сейчас речь идет не о нем, а о его сыне.

– Ходят слухи, что он глуп, – проворчал отчаявшийся Садзихэй.

– О да. Я тоже это слышала. Говорят, однажды он нашел что-то на безлюдной дороге и простоял там почти целый день, дожидаясь, когда растеряха явится за своей собственностью. А еще говорят, что он никогда не ходит на праздники, кто бы его ни приглашал. И что лазит по горам, а возвращается обратно с травами, вместо того чтобы принести домой дров для очага.

– Разве нормальные мужчины так себя ведут? Неужели ты хочешь выдать Каэ за такого недоумка?

– Народ постоянно хвалит одних и ругает других. Вы ведь знаете, что лекарь Ханаока сам научил своего сына читать и писать, поэтому Умпэй не ходил в школу. Как же в таком случае можно судить о его умственных способностях? Некоторые утверждают, что он далеко не дурак, даже напротив – необычайно умен.

– В любом случае он был странным ребенком.

– Дыма без огня не бывает. Во всех слухах есть доля правды.

– Это точно.

Но жена не собиралась сдаваться:

– Если человек одновременно и глуп, и умен, вполне возможно, что он станет великим мудрецом. Не забывайте, ка-

кая мудрая у него мать.

Садзихэй не сразу нашелся с ответом. Тем временем же-на воспользовалась возможностью подвести итог своим размышлениям:

– Я признательна Ханаока за это предложение хотя бы потому, что на Каэ обратила внимание женщина рассудительная и дальновидная.

Садзихэй не желал и дальше выслушивать разглагольствования жены. В конце концов, в ответ на все ее попытки выразить благодарность семье Ханаока, он придумал один весьма убедительный довод, после чего заговорил более спокойным тоном:

– Ну разве это не смешно, если задуматься? Предполагаемый жених только что отбыл в Киото и, по словам Оцуги, вернется не раньше чем через три года. Разве кто-то может заглянуть так далеко в будущее? Вдруг его увлечет городская жизнь и он передумает возвращаться в деревню? А если вернется, ты хоть понимаешь, сколько тогда будет Каэ? Двадцать четыре!

Поскольку Умпэй уехал на вполне определенное время, Ханаока, по мнению Садзихэя, вряд ли пошлют к нему невесту на оставшийся срок. Он прекрасно понимал, что его жену очень волнует возраст Каэ и что ей хотелось бы выдать дочь замуж в этом году, а потому последний довод не должен был вызвать никаких возражений. И дабы как можно скорее разрешить запутанный спор, Садзп-хэй послал за старостой де-

ревни Хираяма и передал ему официальный ответ семейства Имосэ семейству Ханаока, подробно обосновав свой отказ.

Староста Хираямы почувствовал себя неловко, как будто ответственность за поведение Оцуги лежала лично на нем, и поспешил доставить послание. Однако невозмутимая Оцуги без промедления вручила тому же посыльному свое письмо к Имосэ, в котором говорилось следующее:

«С вашего позволения, мы будем рады принять у себя молодую госпожу Имосэ до окончания этого года, дабы она могла привыкнуть к жизни в доме лекаря и по возвращении Умпэя встретить его в качестве равноправного члена семьи Ханаока. Возможность взять на себя проведение предварительной брачной церемонии и сделать жителям деревни соответствующее объявление доставит нам величайшее удовольствие».

И снова Имосэ столкнулись с необычайной мудростью Оцуги. В том же письме она просила их позволить Каэ выйти замуж без обычной суеты вокруг приданого и нарядов невесты, поскольку дом Ханаока не слишком велик. Казалось, Оцуги прямо-таки читала мысли Садзихэя.

Благодаря упорству Каэ все спорные вопросы быстро разрешились, и Имосэ с Ханаока договорились породниться. Узнав, что дочь не ест и не спит, Садзихэй был вынужден пересмотреть свое первоначальное намерение игнорировать Оцуги, невзирая на все ее доводы. Не то чтобы Каэ объяви-

ла родителям голодовку – нет, просто из-за нервного перенапряжения и разочарования ее желудок отказывался принимать какую бы то ни было пищу, даже самые любимые блюда из риса. Кроме расстройства пищеварения у нее начались боли в груди, из-за которых она не могла заснуть, отчего Тами сильно переживала за свою молодую хозяйку.

Однажды ночью у Каэ было видение: перед ней протянулась ярко освещенная тропинка, в конце которой стояла Оцуги, словно богиня на берегу райского острова. После многих лет, проведенных под теплым крылышком Имосэ, на девушку вдруг снизошло необычайное волнение. Но продлилось это недолго. Через мгновение сияние померкло, тропинка исчезла, и она очнулась в своей темной комнате. И хотя Каэ не собиралась искать в этом сне никакого потаенного смысла, воспоминания о ярком сиянии не давали ей покоя. Бедняжка ужасно расстраивалась и испытывала невероятные душевные муки, однако у нее и в мыслях не было винить родителей за то состояние нервного напряжения, в котором она все время пребывала.

Оцуги рассчитывала на отменное здоровье Каэ, но, ко всеобщему ужасу, девушка начала заметно худеть, и вскоре от нее остались кожа да кости. Вполне возможно, виной подобного ребяческого волнения и наивного взгляда на вещи являлась та тепличная жизнь, которую она вела в доме строгого самурая. И теперь, когда ей предстояло стать замужней женщиной, Каэ все еще была одержима красотой Оцуги. Об

Умпэе, своем женихе, она и думать не думала.

Осенью 2-го года Тэммэй¹⁸ Имосэ устроили роскошный прощальный пир для своей дочери, которая должна была уйти в дом жениха. После этого, согласно местной традиции, Каэ в белом шелковом покрове и изысканном свадебном кимоно в сопровождении родственников направилась в паланкине в Хираяму.

По прибытии невеста одна вступила в дом, где ее тепло встретила взволнованная Оцуги. Женщина взяла Каэ за руку и проводила в гостиную. Там Каэ ожидала специальная подушечка. Церемония должна была пройти в отсутствие жениха, который более полугода назад уехал в Киото. (Вне всякого сомнения, именно это обстоятельство послужило причиной тому, что в составленной намного позже биографии Сэйсю Ханаоки дата его бракосочетания указывается весьма расплывчато.) Можно ли считать такого рода мероприятие обычным для того времени? Нет, на самом деле это было редкое исключение из правил. Однако никаких нареканий подобные действия не вызывали. И еще, поскольку жених рассчитывал вернуться в отчий дом, его отсутствие на свадебной церемонии никоим образом не влияло на положение невесты в новой семье. Для Каэ это в любом случае ни-

¹⁸ 1782 г.

чего не меняло, поскольку ее будущая свекровь заранее обо всем позаботилась.

Место Умпэя подле низкого деревянного столика занял знаменитый трактат под названием «Хондзо комоку». ¹⁹ Книга представляла собой бесценный манускрипт, старательно переписанный от руки изящным почерком. Составленный Ли Шичэнем во времена династии Мин, ²⁰ этот травник считался классическим китайским руководством по лекарственным растениям. Дед Умпэя, Унсэн Наомаса Ханаока, переписал его еще в пору своего ученичества. Начиная с Унсэна, Ханаока стали практиковать врачевание, забросив все остальные занятия, чем и объясняется особая ценность «Хондзо комоку» для этой семьи. Три поколения Ханаока – Унсэн Наомаса, его сын Наомити и теперь вот Умпэй – полностью постигли содержание трактата; потрепанные страницы, выцветшая тушь и потертые дощечки переплета были тому свидетелями. Появившись на свадебном пиру, достоинственный текст, казалось, создавал иллюзию присутствия жёниха и молчаливо напоминал Каэ, что с этого самого момента она становится членом семейства, верой и правдой служащего медицине.

Каэ, которая только что прибыла с шумного праздника

¹⁹ «Хондзо комоку» – «О сущности лекарственных трав», научный труд знаменитого китайского целителя XVI в. Ли Шичэня, в западноевропейской традиции известный под латинским названием «Materia medica».

²⁰ Мин – китайская императорская династия (1368–1644).

в доме Имосэ, почувствовала себя одиноко, и ее пробира- ла дрожь под взглядами собравшихся Ханаока – Наомити, Оцуги, сестер и младшего брата Умпэя. Двое взрослых братьев отсутствовали. Один в то время проходил обучение в гильдии торговцев – возможность, которая появилась не без участия Мацумото; другой совсем недавно вступил в ряды духовенства. В доме осталось пятеро отпрысков: Окацу, ровесница Каэ, Корику – на два года младше, две маленькие сестренки и трехлетний Рёхэй. Каэ с трудом различала их лица сквозь плотный шелк свадебного покрывала.

Оцуги с достоинством встала и подняла покрывало Каэ. Рёан Симомура, подручный Наомити, принялся разливать холодное сакэ по старинным ярко-красным глазурованным *тёко*.²¹ Наблюдая за тем, как сакэ поднимается со дна к краям чашечки, Каэ раздумывала о своей новой жизни. В голове теснились сотни мыслей. Но одна взяла верх над остальными: если этот напиток действительно должен ввести ее в семью, она просто обязана любой ценой проглотить его.²² Девушка подняла голову и увидела, что Оцуги держит в руках свою чашечку и тепло смотрит на невестку, улыбочные глаза словно посылают ей знак: «Все будет хорошо. Просто выпей сакэ. Мы так ждали этого дня!»

И хотя это проявление любви смутило Каэ, она почувство-

²¹ *Тёко* – чашечка для сакэ.

²² По японской традиции жених и невеста троекратно обменивались чарками сакэ.

вала себя намного лучше и поспешно поднесла тёко к губам, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы. Она никогда не пробовала горячительных напитков, если не считать хризантемовой водки,²³ которую ей позволялось пригубить на девятый день девятого месяца. По мере того как холодная жидкость текла вниз по горлу, по венам разливалось тепло, и у нее вырвался вздох облегчения. Но, поняв, что она слишком рано начала свободно дышать в доме, в котором пока еще была чужой, девушка покраснела до самых корней волос.

Обед показал, как просто и бедно живут Ханаока. Угощение состояло всего из двух блюд, одним из которых был праздничный рис с красными бобами. Даже рыбы на столике не оказалось! Однако перед Наомити выставили две бутылочки сакэ. Еда, естественно, не шла ни в какое сравнение с той, что подавалась у Имосэ, где на роскошный пир прибыли сорок человек. Там каждый из гостей получил поднос с четырьмя яствами, не считая традиционного дополнительного подноса. У Ханаока только Окацу и Оцуги по одному разу сходили на кухню за добавкой.

Каэ слушала своего подвыпившего свекра, излагавшего со всеми подробностями историю семьи Ханаока начиная со времен императора Бидацу,²⁴ и внутри у нее нарастало чувство удовлетворения, заполняло пустоту, мучившую ее ра-

²³ *Хризантемовая водка* – сакэ с плавающими в нем хризантемами, которое в Японии пьют на Праздник хризантем, отмечающийся по лунному календарю.

²⁴ Император *Бидацу* правил с 572-го по 585 г.

нее в доме Имосэ. Она конечно же не принимала во внимание тот факт, что новая семья всегда волнует кровь, тогда как собственная слишком хорошо известна и привычна. Вскоре Наомити подошел к рассказу о происхождении фамилии Ханаока. С его слов, они стали прозываться так с той поры, когда некий Горо Вада поселился в деревне Ханаока, что в провинции Кавати, близ Осаки.

Тем временем Окацу и Корику начали убирать со стола. Каэ стало неудобно сидеть без дела и наблюдать за ними, но Оцуги заверила невестку, что ее помощь не требуется.

– Прощу тебя, оставайся там, где сидишь, подле места жениха, послушай своего свекра. Горо Ваду и его самого разделяют шесть поколений. Мы все прекрасно знаем эту историю, но для тебя она в новинку. Не волнуйся, если не сможешь запомнить всех подробностей. Первый раз – не последний!

Оцуги улыбнулась, и даже Окацу и Корику не сумели сдержаться, когда их мать упомянула о том, что Каэ придется частенько выслушивать любимую байку отца. Девушки, прикрывая рты, с хихиканьем удалились на кухню. Однако речь Оцуги успокоила Каэ, она почти перестала нервничать и была очень признательна свекрови за ее чуткость.

Седеющие волосы Наомити сильно поредели спереди, пучок на темени был перевязан небрежно и сбился на сторону – яркий показатель того, как мало его заботил собственный внешний вид. Несмотря на морщинки вокруг глаз, смуглая

кожа казалась совсем свежей и здоровой. Выглядел он весьма внушительно в полосатых хакама и хаори²⁵ с огромными монами²⁶ в виде белых павлоний. Наряд Наомити представлял собой яркий контраст с кимоно жены, которое, как всегда, сидело безупречно.

Каэ внимательно слушала свекра не потому, что была обязана выучить наизусть историю семейства, – это длинное повествование действительно захватило ее; в нем, кроме всего прочего, отразились характерные черты всех Ханаока, а именно честолюбие и стремление к совершенству в своем ремесле. Под влиянием сакэ Наомити пустился в подробное изложение семейной легенды, причем казалось, что собственный голос пьянил его куда больше, чем горячительный напиток.

– С какой стороны ни погляди, долг лекаря – спасать человеческую жизнь. Смерть любого пациента наполняет мою душу раскаянием и сожалением, даже в тех случаях, когда он умирает от старости. Но лекарь, само собой разумеется, не должен выставлять напоказ свои чувства. Это может плохо отразиться на его практике... Так, о чем бишь я? А, да. Если начать с Дэнъэмона Наотики, для которого медицина не была основным занятием, я являюсь представителем второго поколения, а Умпэй – третьего из тех, кто полностью

²⁵ *Хакама* – широкие мужские штаны, элемент парадного костюма; *хаори* – короткая накидка, надевается поверх кимоно.

²⁶ *Мон* – фамильный герб, символ рода.

посвятил себя этому делу. Наше прошлое конечно же кишит ошибками, темными, словно удобренная земля, и это обстоятельство весьма нас печалит. И все же ни одного представителя нашего семейства нельзя упрекнуть в том, что он использовал целительские навыки в личных целях. Я знаю, что некоторые посмеиваются надо мной, думают, будто я слишком опекаю Умпэя да только о нем и говорю. Но дело в том, что я не считаю его просто моим сыном. Я уверен, что настала пора родовому древу Ханаока принести настоящие плоды. И я убежден, что Умпэй – воплощение самых сокровенных чаяний и надежд всех моих предков, которые мечтали о том, что в нашей семье появится когда-нибудь человек поистине великий. Будучи потомками самураев, отложившими в сторону мечи, мы не испытывали настоящего удовлетворения, когда брались за плуг. Мы предпочли помогать нашим ближним с помощью своего ума и таланта. Так вот, значит, мы послали нашего третьего сына к горе Коя,²⁷ дабы он стал священником и мог молиться за тех, кто умер по причине недостатка у нас знаний и опыта или просто из-за неудачного стечения обстоятельств. Потребовалось почти сто лет, чтобы произвести на свет великого человека, ведь Ханаока уже целый век связаны с врачеванием. Похоже, наше предназначение скоро будет исполнено. Мой сын Умпэй станет этим великим человеком!

²⁷ *Коя* – священная для японских буддистов гора, на которой находились храмы буддийской школы Сингон и мавзолей ее основателя Кобо Дайси (774–835).

Посуда была вымыта, и сестры потихонечку присоединились к остальным в гостиной. Все слушали Наомити – Оцуги, Окацу, Корику и младшие девочки, – и все как одна зачарованно смотрели на отца семейства, хотя знали эту историю от первого до последнего слова. Каэ была восхищена их вниманием и тем, как единодушно они поддерживают точку зрения Наомити. Свекор тоже произвел на нее неизгладимое впечатление, хотя она прекрасно знала, что люди потешаются над его похвальбой. По ходу рассказа в душе Каэ нарастало чувство гордости, поскольку блистательный герой повествования был не кем иным, как ее мужем; она начала задумываться над тем, какую огромную честь оказала ей Оцуги.

Наомити проболтал до самой полуночи.

– Давным-давно, – говорил он, – еще до рождения Умпэя, у меня уже имелись идеи насчет будущего моего сына. Я решил непременно найти мудрую и красивую женщину, которая выносит великого человека, этим и объяснялась моя безумная решимость воспользоваться затруднительным положением, в котором оказалась в свое время Оцуги.

Каэ бросила взгляд в сторону свекрови, но та без тени смущения взидала на Наомити, словно верующий, который ловит каждое слово добродетельного наставника. Ей неожиданно пришло в голову, что Ханаока вполне могли проявить настойчивость в переговорах с ее собственным отцом по той же причине, по какой Наомити добивался Оцуги. Волна радости захлестнула Каэ с головой, девушку даже затрясло при

мысли о том, какую роль ей суждено сыграть в продолжении рода Ханаока.

– Двадцать три года тому назад родился Умпэй...

История, звучавшая, должно быть, уже в сотый раз, вышла на новый виток. Каэ помнила про обстоятельства появления на свет Умпэя еще с тех времен, когда лекарь рассказывал об этом ее деду, но сегодня вечером все было иначе. Наомити добавил описание родов Оцуги, ведь он был дома, а в семейном кругу подобные вещи вполне позволительны.

– Оцуги начала задыхаться. Вероятно, боль становилась нестерпимой, а я был не в силах смотреть на ее мучения, поэтому вышел в сад. На дворе стоял чудесный день. Ни одного облачка на небе! Не успел я выложить на солнышко кое-какие травы для просушки, как припомнил свое предчувствие в отношении наследника Ханаока, а именно: он должен был родиться именно в такой вот чудный денек. Так что я решил оставить травы в покое. Вскоре у Оцуги начались роды. Она стонала и обливалась потом. «Вскипятите воды! – закричал я. – И пошлите за повитухой!» А потом вдруг разразился яростный ливень, и потемневшее небо прочертила молния. Совсем рядом грянул гром, сотрясая землю под горой Кацураги. Я обнял Оцуги и велел ей набраться храбрости. Из-за дождя повитуха не поспела вовремя, и я сам принял Умпэя. До сих пор помню его первый крик. – Он сложил руки, показывая, как держал ребенка, и попытался подавить обуявшие его при этом воспоминании эмоции. – Оцуги дала жизнь

еще семерым детям, но я принимал только первенца. Как же громко кричал этот малыш! И тут я заметил, что небо прояснилось. На дворе снова стоял дивный осенний денек. И тогда я понял, что на свет появился ребенок, которого Ханаока так долго ждали. Не успел я закончить омовение, как появилась повитуха, и я позволил ей позаботиться обо всем остальном. Сам я вышел в сад и увидел, что по небу спокойно плывет одинокое белое облако, будто бы ничего не случилось. Именно тогда мне и пришло на ум чудесное прозвище для ребенка: Умпэй, «мирное облако». Замечательное имечко, вы со мной согласны?

Поскольку история повторялась вновь и вновь, избежать некоторого преувеличения было попросту невозможно. Каэ живо представила себе свою свекровь и то, какое удовлетворение и умиротворение она, должно быть, испытала, произведя на свет столь желанного ребенка мужского пола. От нее также не ускользнуло, с какой нежностью счастливая Оцуги смотрит на своего мужа. «Неужели ей до сих пор не наскучило выслушивать описание появления Умпэя на свет?» – подумалось Каэ.

– Что же, жених успешно родился. Может, закончим на этом наш вечер? – спросила Оцуги, ловко свернув бесконечный рассказ Наомити.

Каэ вошла в маленькую комнатку, которая служила женской спальней. Окацу и Корику принесли воды и помогли ей умыться. Ни одной из девочек не передались ни изысканные

черты лица, ни бойкость их матери. Обе сестры были молчунями, и это вкупе с робостью Каэ привело к некой неловкости. Привыкшая к заботам Тами, Каэ понятия не имела, как ответить на доброту своих золовок, и чувствовала себя неуютно, когда они принялись прислуживать ей. Но сама она вряд ли справилась бы в этом чужом доме. Снимая с себя свадебное кимоно, девушка вдруг вспомнила свою мать и поняла, что ей никогда не рассказывали о ее собственном рождении. Вполне возможно, в тот день не произошло ничего выдающегося, только и всего. Она скучала по матери. Несмотря на то что дата свадьбы была назначена в спешке, мать тщательно продумала свадебный наряд дочери. Все гости Имосэ восхищались его красотой, а в доме Ханаока она не услышала ни одного комплимента. Матушка наверняка была бы разочарована подобным обстоятельством. Но Каэ не жаловалась, потому что она наконец-то очутилась в семье, о которой так долго мечтала. Складывая кимоно, она впервые осознала, как далеко от нее родной дом. В соседней комнате заплакал Рёхэй. Должно быть, его разбудили шаги сестер, сновавших туда-сюда.

– Я хочу увидеть невесту, – всхлипывал он. Каэ в богатом кимоно и белом свадебном покрове, по всей вероятности, произвела на мальчика неизгладимое впечатление.

Сестры попытались унять его, но не преуспели. В итоге его успокоила мать, пообещав, что он может поспать рядом с невестой, взяла ребенка за руку и привела к Каэ.

– А вот и жена твоего старшего брата, твоя невестка, Рёхэй.

Рёхэй глазам своим не мог поверить. Он изумленно уставился на Каэ, которая успела переодеться в ночное платье. В отличие от сестер мальчик очень походил на мать, особенно глазами и линией рта. Каэ лихорадочно думала, как помочь сбитому с толку ребенку и дать ему понять, что она и есть та самая сказочная женщина, которую он видел несколько часов назад перед отходом ко сну. И в порыве наития развернула перед ним свое свадебное кимоно.

– Какая красота, правда, мам? – воскликнул обрадованный малыш.

В ответ на его искреннее восхищение из уст матери прозвучало короткое «Правда», и Каэ наконец-то почувствовала, что ее наряд получил признание.

В ту ночь Каэ и Оцуги спали в одной комнате. Рёхэй лежал рядом с матерью, положив руку ей на грудь, словно обнимал. Каэ в темноте раздумывала над тем, на кого из родителей похож Умпэй, на Оцуги или Наомити. Девственница невеста совершенно не чувствовала себя несчастной, засыпая в первую брачную ночь рядом со своей свекровью. Даже напротив, она была вполне довольна и готовилась увидеть сладкие сны.

Жизнь вернулась в обычное русло на следующий же день после свадьбы. Окацу и Корику готовили и стирали под руководством матери, а служанка убирала и заботилась о младших детях. Рёан Симомура выполнял различные поручения лекаря, поскольку женщинам и детям не позволялось даже близко походить к медицинским принадлежностям. Однако много времени для того, чтобы приготовить простую еду и привести в порядок маленькое жилище, не требовалось, так что большая часть ежедневной работы была вскоре выполнена. Надо отметить, что на энгаве²⁸ дома Ханаока стояли несколько ткацких станков, а возле кладовой – прялка. Как только с домашними заботами было покончено, старшие девочки, владевшие ткацким мастерством, засели за станки и не покидали своего рабочего места до самого обеда. Особый узор сплетался из окрашенных нитей, которые, как поняла Каэ, поставляли им Мацумото.

Поначалу Каэ думала, что девушки готовят себе приданое. Тами как-то говорила ей, что дочкам крестьян и ремесленников приходится самим себя одевать, да еще продавать ткань, чтобы заработать денег на остальное приданое. «Но ведь им могут понадобиться и шелковые кимоно!» – удиви-

²⁸ *Энгава* – открытая галерея с двух или трех внешних сторон традиционного японского дома.

лась тогда Каэ, а теперь решила подарить золовкам кое-что из своих нарядов.

Но она быстро поняла, что сестры трудятся не на себя. Время от времени, причем довольно часто, из-за реки прибывал торговец и забирал из каждого дома в Хираяме готовые рулоны ткани, которые далее шли на продажу городским жителям Сакаи. По возвращении он привозил своим деревенским поставщикам либо деньги, либо заказанные товары. Каэ заметила, что Ханаока никогда не просили в качестве вознаграждения вещи для девушек. Они брали только деньгами, которые Оцуги копила, пока не набиралась определенная сумма. Затем все сбережения пересылались Умпэю через другого торговца или кого-то из красильщиков, направлявшихся в Киото по делам.

Как только Каэ узнала, куда идут деньги, она посчитала своим долгом испросить у Оцуги разрешение и тоже заняться ткачеством. Ее просьба была тотчас удовлетворена. Подробно объяснив, как пользоваться челноком, свекровь предупредила ее, чтобы не торопилась, иначе можно спутать нити.

Несмотря на то что Каэ была совершенно не знакома с ткацким станком, вскоре она уже не уступала в мастерстве своим золовкам. Не имея родных сестер, она была признательна за их доброе отношение и с радостью сидела рядом с ними под веселое перещелкивание станков. Она заметила, что Окацу пошла в мать характером, умом и здравомыслием,

тогда как Корику была намного тише и выполняла все указания сестры. Каэ трудилась изо всех сил, стараясь выразить таким образом свою благодарность семье Ханаока. Очень скоро из-под ее рук уже выходило по меньшей мере пять сун²⁹ полотна в день. Природная сметливость и знание основ вышивки подвигли ее на то, чтобы менять нити местами, и через некоторое время у нее стали получаться весьма оригинальные узоры. Золовки восхищались ими, но ни одна из них и не думала отступать от заведенного порядка: Окацу продолжала производить на свет ткани в полоску, Корику – одноцветные. Но Каэ все равно была счастлива. Казалось, ее действительно приняли в семью. Давно миновали те дни, когда она чувствовала себя неуверенно и не знала, что сказать и как повернуться. Она также наслаждалась славословием торговцев, неизменно твердивших о востребованности ее произведений на рынке в Сакаи. Но больше всего ей льстило одобрение Оцуги, которая не переставала расточать невестке похвалы, особенно в присутствии гостей.

– Прошу вас, обратите внимание на этот изумительный рисунок, – говорила, бывало, Оцуги. – Восхитительно, не правда ли? Хотя Каэ не воспитывалась для тяжелого труда, она действительно стала настоящей помощницей для нашей семьи. Умпэй будет гордиться такой женой.

Яркие наряды, которые Каэ доводилось носить в доме отца, а также усвоенные еще в детстве уроки вышивания на-

²⁹ *Сун* – японская единица измерения тканей, равная 3,8 см.

учили ее правильно соотносить цвета. Однако торговцы, разделявшие на словах энтузиазм Оцуги в отношении ее узоров, скорее всего, не считали их чем-то выдающимся с профессиональной точки зрения. Каэ и сама понимала, что ее рисунки ничего особенного собой не представляют, кроме того, работать ей приходилось с хлопком, а не с дорогой парчой и даже не с шелковым полотном. И все же ее очень радовало то, что Оцуги была довольна ее успехами. День изо дня Каэ старалась изготовить как можно больше ткани, поскольку чувствовала, что свекровь отвечает ей благодарностью.

С виду казалось, что молодой жене совершенно неведома тоска по незнакомому мужу, на самом же деле теперь она ловила каждое упоминание об Умпэе и, возвращаясь обратно к станку, снова и снова перебирала в голове мельчайшие подробности разговоров о нем. Но девственница жена даже не подозревала о пробуждающейся любви, а следовательно, не могла признать, что именно это чувство будоражило ее воображение и вдохновляло на создание смелых, причудливых узоров.

За все время, прошедшее после свадьбы, Умпэй не написал Каэ ни строчки и даже никоим образом не выразил свою благодарность семье за присылаемые ему деньги. Сам Наомити и тот редко получал от него весточки.

– Отсутствие новостей – уже хорошие новости, – бывало, успокаивал сам себя лекарь. – Если человек полностью отдается учению, ему некогда думать о доме. – Но, несмотря

на сквозившую в этих словах жизнерадостность, выражение лица частенько выдавало его тоску и одиночество.

Наомити и сам когда-то жил вдали от Хираямы. Он по собственному опыту знал, что цены в городе баснословные, и молодому человеку, изучающему медицину, протянуть на деньги, присылаемые из дома, чрезвычайно трудно. Поэтому он отдавал жене каждый заработанный медяк, с тем чтобы она пересылала все деньги сыну. В шестьдесят разговорчивости у Наомити не убавилось, но вскоре стало понятно, что годы берут свое. Когда ему сделалось тяжело навещать своих пациентов на дому, его помощнику Рёану пришлось принять эти обязанности на себя. Наомити лечил только тех, кто приходил сам. Как и все деревенские лекари, он брался за любые хвори, от простуды и легких ран до переломов и опасных заболеваний. Но поскольку слухи о чудесном исцелении Оцуги все же разнеслись за пределами Хираямы, к нему стекалось много людей, мучившихся всевозможными кожными недугами. Доносившиеся из приемной стоны и страдальческие крики поначалу пугали Каэ, вызывая ночные кошмары, однако не прошло и года, как она попривыкла к ним. И все же эти вопли частенько отрывали ее от работы, а время от времени ей мерещились промокшие от гноя повязки или брызгающая при удалении бородавок кровь. Реальность тоже можно было назвать приятной только с большой натяжкой: покрытые струпьями дети, женщины, чья кожа испортилась от неправильного применения лекарственных

ных средств, и так далее, и тому подобное, и все они ждали Наомити в приемной. Иной раз при виде этих несчастных беспомощных созданий Каэ вспоминала, как свекор излечил свою жену. Тем не менее она была склонна верить, что болезнь из тела Оцуги изгнала присущая ей врожденная красота, а не опыт и знания Наомити.

Финансовое положение семьи становилось все хуже. Подготовка к свадьбам Окацу и Корику (если таковые вообще состоятся) и привычные возлияния Наомити за ужином были временно прекращены. Порой все Ханаока несколько дней кряду сидели на одном рисе, словно последние нищие. Денег на лекарственные травы и снадобья тоже не хватало. Но, несмотря на все эти неприятности, Ханаока никогда не считали себя бедняками и не унывали. Все как один они возлагали свои надежды на Умпэя и его успехи в Киото. Красота и веселый нрав Оцуги только добавляли оптимизма. Наомити, Окацу, Корику и теперь еще Каэ с удвоенной энергией трудились на благо Умпэя, проявляя тем самым уважение к решимости, настойчивости и достоинству твердой духом Оцуги, поведение которой всегда оставалось выше всяких похвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.